

Людмила Шапошникова

**Дороги джунглей.
Великий Индийский путь**

«Международный Центр Рерихов»

2016

УДК 910.4(54)
ББК 63.5(5Инд)

Шапошникова Л. В.

Дороги джунглей. Великий Индийский путь /
Л. В. Шапошникова — «Международный Центр Рерихов», 2016

ISBN 978-5-86988-284-4

Автор этой книги Людмила Васильевна Шапошникова (1926–2015) – известный ученый-индолог, философ, писатель, крупнейший исследователь творчества семьи Рерихов. В 1960-е годы в поле ее научного интереса оказались племена и народы, населяющие Индийский полуостров, в частности горы Восточной и Юго-Западной Индии. Долгое время живущие там племена, находившиеся в труднодоступной горной местности, были изолированы от внешнего мира и поэтому сохранили первобытно-общинные отношения и своеобразную культуру. Л. В. Шапошникова стала первым российским ученым, посетившим эти племена в 1963–1965 годах и собравшим ценные сведения об их истории, культуре и мифологии, а также особенностях их родовой организации. Книга написана живым, увлекательным языком и иллюстрирована авторскими фотографиями. Настоящее издание приурочено к 90-летию со дня рождения Л. В. Шапошниковой и открывает серию переизданий ее работ, посвященных культуре и истории народов Индии.

УДК 910.4(54)

ББК 63.5(5Инд)

ISBN 978-5-86988-284-4

© Шапошникова Л. В., 2016

© Международный Центр
Рерихов, 2016

Содержание

Часть I	7
Путешествие начинается	7
От тривандрама до тхеккади	9
Маннаны – «люди земли»	12
Знакомьтесь, его величество король маннанов	17
Длинные мили горных дорог	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Л. В. Шапошникова **Дороги джунглей**

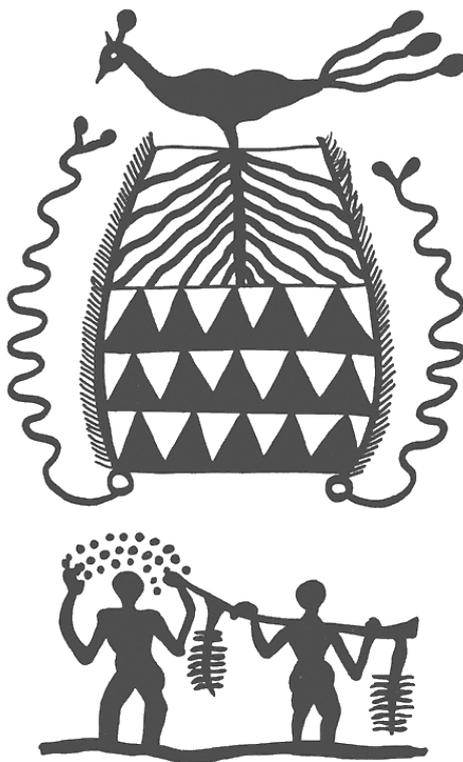
© Международный Центр Рерихов, 2016

Премьер-министр Индии Индира Ганди вручает Международную премию имени Джавахарлала Неру сотруднику кафедры истории Индии

Института стран Азии и Африки при МГУ Людмиле Васильевне Шапошниковой

Книга удостоена Международной премии имени Джавахарлала Неру за 1967 год

Часть I Джунгли Кералы

Путешествие начинается

Был канун Рождества. В городе царила предпраздничная суматоха. На узких улочках под пальмами продавали разноцветные бумажные фонари, сделанные в виде рождественских звезд. Фейерверк красными, желтыми и зелеными искрами рассыпался в темном звездном небе. Ребятишки на порогах домов, крытых пальмовыми листьями, жгли бенгальские огни. Церкви были до отказа набиты людьми. Там этим вечером шла служба. На лотках перед церквями были разложены картинки с изображением христианских святых, маленькие иконы, кресты, ярко раскрашенные глиняные фигурки Христа и Девы Марии, рождественские поздравительные открытки. Все это так не вязалось с тропиками, с кокосовыми пальмами, с темнокожими людьми, со всем укладом жизни индийского города. На рождественских открытках были изображены незнакомые в этих местах елки, никогда не виданный в Керале снег, укутанные в одежды не для этих широт розовошечки Санта-Клаусы. Около лотков толпились босоногие дети. Взрослые бережно перебирали лежащие на лотках «реликвии», долго раздумывали и приценивались. Потом вынимали из тщательно завязанных узелочков монетки и смятые рупии и бережно уносили картинки, фигурки, кресты. Это было, пожалуй, все, чем могло порадовать их Рождество.

Так выглядел Тривандрам в декабре 1963 года. Я приехала туда второй раз после четырехлетнего перерыва. На этот раз я воспользовалась рождественскими каникулами в Мадраском университете. Я намеревалась познакомиться с некоторыми племенами, живущими в джунглях горной части штата. В Тривандраме, столице Кералы, мне необходимо было найти

людей, которые помогли бы в этом. Я перебирала в своей памяти десятки учреждений и наконец решила, что Отдел по переписи населения подходит для этой цели. Директор отдела, молодой грузноватый мужчина, внимательно выслушал меня и сказал:

– А знаете, мне нравится ваш план. Значит, вы хотите побывать у маннанов, маласаров, кадаров и мудугаров?

– Именно так, – ответила я.

Директор стал барабанить пальцами по лежащей перед ним папке с бумагами.

– Н-да, значит, вы хотите побывать у маннанов... – И снова забарабанил по папке. Затем поднялся, будто на что-то решившись.

– А вот машины-то у нас нет. Есть два джипа, но они в разъезде.

– Но я не прошу джип, мне нужно ваше содействие на месте. А уж добраться я сумею.

– О, – обрадовался директор. – Тогда все в порядке. Но все-таки мы еще постараемся достать джип. Вы знаете Бюро по благосостоянию хариджан?

– Знаю.

– Мистер Джозеф! – позвал директор. – Вы на сегодня свободны. Сделайте все, чтобы помочь нашему русскому другу. Поезжайте в Бюро.

В Бюро по благосостоянию хариджан джипа тоже не оказалось, но был Чинмайя. Он по крайней мере знал дорогу в район маннанов и маласаров.

– Так вот, – сказал ему директор Бюро, – поезжайте вместе. Даю вам четыре дня. А там увидите, что делать дальше.

Чинмайя, коренастый, крепко скроенный малаяли с темным скуластым лицом и хитрыми глазами, молча выслушал директора и только коротко спросил меня:

– Когда едем?

– Завтра.

– К семи часам утра будете готовы?

– Конечно.

Вечером Джозеф и Чинмайя сидели у меня в номере в отеле «Маскот». Перед нами лежала карта горного района Кералы. Тщательно обсуждался каждый пункт предстоящего маршрута. Мы все трое оказались порядочными спорщиками. Вначале никто не соглашался друг с другом. Джозеф решил оберегать меня от всех трудностей. Чинмайя допускал трудности, но, как он сам выразился, «каждая трудность требует своего отдыха». Я не могла себе позволить избегать трудностей, если они были связаны с интересными местами, и решительно отвергала тезис Чинмайи об отдыхе.

У меня был в распоряжении только месяц, и отдых не был запланирован. Чем больше я говорила, тем более тоскливыми становились глаза Чинмайи. Джозеф сидел с каменным лицом и наконец выпалил:

– Я уступаю вам только потому, что вы женщина.

– Это запрещенный прием, – парировала я.

– Тише, тише, – вмешался Чинмайя, – пусть не будет ни мужчин, ни женщин. Пусть будет добрая воля.

– Хорошо, пусть будет добрая воля, – согласились мы и все-таки продолжали спорить. Но часам к двенадцати ночи чувство доброй воли все-таки одержало верх. Приемлемый маршрут был выработан. Он проходил через два наиболее лесистых дистрикта Кералы: Коттаям и Палгхат.

«Конференция» кончилась, и Джозеф с Чинмайей ушли. Я бережно свернула чуть было не пострадавшую во время дискуссии карту и вышла на балкон. Высоко в небе над Тривандрамом стояла полная луна. Перистые кроны кокосовых пальм серебрились в ее свете. Ночные бабочки бились в лампочку фонаря, тускло горевшую под балконом. Мириады звезд на почти черном пологие неба лениво мерцали в душном неподвижном воздухе.

От тривандрама до тхеккади

От Тривандрама до Коттаяма – 87 миль

От Коттаяма до Кумили – 62 мили

От Кумили до Тхеккади – 3 мили

Автобус, в который мы с Чинмайей втиснулись утром следующего дня, большой и неуклюжий, с брезентовыми занавесками на широких окнах без стекол, долгое время не хотел заводиться.

– Эйо! – крикнул водитель. – Подтолкните кто-нибудь!

Но проход в автобусе был завален мешками, узлами, корзинами с живыми курами, связками бананов. И выбраться наружу было невозможно. Пассажиры вслед за водителем стали кричать в окна:

– Подтолкните нас! Что вы стоите и глазете?

Несколько человек отделились от очереди, ожидавшей следующего автобуса. К ним присоединились стоявшие здесь же грузчики. Общими усилиями автобус был сдвинут с места, мотор заработал, и машина, кряхтя и треща фанерными стенками, лихо понеслась по еще пустынным улицам Тривандрама. Вслед за нами тянулся хвост синего дыма. Наше путешествие началось.

От Тривандрама автобус круто повернул на северо-восток. Дорога шла через предгорья Западных Гхат. По холмам предгорья были разбросаны плантации кокосовых пальм, каучука, ареки, маниоки, черного перца. Зерна черного перца сушились прямо на шоссе. Их покрывала пыль, летящая из-под колес проходивших автобусов, автомобилей и бычьих упряжек. Рядом с плантациями сахарного тростника, среди зеленых квадратиков рисовых полей, текли тихие реки с тенистыми берегами. В заводях рек черноголовые босоногие мальчишки ловили удочками рыбу. Медленная прозрачная вода несла лодки, груженные кокосовыми орехами.

Джунгли начались за Коттаямом. Они обступили дорогу. Тени мощных крон огромных деревьев лежали на шоссе. Прямо от дороги в заросли вели узенькие, поросшие травой тропинки. Селения попадались все реже. Только кое-где у обочины дороги появлялись отдельные домики и хижины.

Горы стали выше. Табличка у дороги показала: три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Наш автобус, отчаянно урча и чихая на поворотах, стал взбираться на перевал. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, и на джунгли спустились сумерки. Водитель включил фары.

– Скоро Кумили, – сказал Чинмайя. Приблизительно через час сквозь деревья засверкала цепочка фонарей. Мы приехали. Фонари тянулись только вдоль шоссе. За ними, утопая во мраке тропической ночи, смутно вырисовывались хижины.

Здесь начинался один из крупнейших заповедников диких животных штата Кералы, расположенный на берегу озера Перияр, или Великого. Центральный район заповедника, Тхеккади, был в трех милях от Кумили. Там, в доме для туристов, нам приготовили ночлег.

Утром я проснулась от разноголосого гомона птиц. Домик, где мы разместились, стоял прямо в джунглях. Разросшиеся ветви деревьев почти целиком заслоняли окно. По ветвям прыгали черные обезьяны. Они издавали гортанные пронзительные крики. Синие и зеленые попугаи порхали с ветки на ветку. Домик был обнесен глубоким рвом. Как я узнала позже, ров предохранял жителей дома от вторжения диких слонов. Солнце еще не поднялось, и сероватый предрассветный воздух был напоен предутренней лесной свежестью.

– Мэм! – услышала я голос снизу.

– Что такое?

Из кустов показалась взлохмаченная голова мальчишки.

– Хотите посмотреть, как дикие звери пьют воду?

– Конечно. А куда идти?

– Я сейчас вас провожу.

Каньяпен, так звали моего добровольного гида, указал на узенькую тропинку, уходящую в лес. Мы пошли по ней.

– А мне сказали, что вы из Москвы, – искоса поглядывая на меня, начал разговор Каньяпен.

– Тебе правильно сказали.

– А у вас дикие звери есть?

– Есть.

– И дикие слоны тоже есть?

– А вот диких слонов нет.

Каньяпен в замешательстве остановился.

– Как так нет диких слонов? Как же вы живете?

– Ничего, обходимся.

– И прирученных слонов нет?

– Нет.

– А кто же у вас работает в джунглях?

– В наших джунглях работают машины.

Каньяпен недоверчиво покачал головой, а потом хитро сощурился:

– Ой, что-то вы, мэ, от меня скрываете. Машины в джунглях работать не могут. Вы нарочно придумали, чтобы меня рассмешить, да?

И заливистый мальчишеский смех огласил джунгли.

– Вы очень веселая, мэ. Никто не смог такого придумать.

– А ну-ка, скажи, смешливый человек, кто ты и откуда?

– Я из племени маннанов. Наше селение недалеко отсюда. Надо пройти миль десять. Мой отец, – он махнул в направлении домика, – работает там. А я вот вожу иногда туристов.

Наконец деревья стали редеть. Тропинка вывела нас к берегу Великого озера. Расположенное в причудливой котловине между горами, оно было покрыто сейчас легкой вуалью утреннего тумана. Вершины дальних гор окутывали розовые облака. Постепенно на востоке стала разгораться алая полоса утренней зари. Туман исчезал. Розовые облака и красное небо отразились в зеркальной поверхности озера, и оно, казалось, до краев было наполнено розовой водой. Потом розово-красные цвета стали меркнуть, и из-за гор брызнули золотые лучи восходящего солнца. Как бы в ответ на это по джунглям прокатился мощный трубный глас. Вожак стада собирал диких слонов на водопой.

Мы прыгнули в небольшую, стоящую у узеньких причальных мостков лодку. Затрещал мотор, и его звук, дробясь о горы, мячиками запрыгал по разбуженной поверхности воды. Бурлящий след, вспоровший воду, тянулся за лодкой. Рулевой направил ее к восточному берегу. Мы прошли множество бухт и заливчиков.

Наконец лодка, заглушив мотор, вошла в небольшой залив, куда впадала стекавшая с горы узкая речушка с заболоченными берегами. Невдалеке послышался треск. Из-за деревьев показалась черная громада дикого слона.

– Тише, не шумите, – сказал Каньяпен, – они сейчас будут пить. Здесь два месяца назад лодка села на мель, и дикие слоны напали на нее. Спасти удалось с трудом.

– Да, – подтвердил наш рулевой, – мы не должны привлекать их внимания.

Вслед за первым слонем вышла слониха со слоненком. Они стали пить из речки. Затем слониха набрала в хобот воды и начала поливать слоненка. Тот, подставив под струю спину, неподвижно замер.

К этому слоновьему семейству через несколько минут присоединилось еще около пятнадцати слонов. Мы стояли с подветренной стороны, и слоны нас не чуяли. Но один из них все же увидел нас сквозь деревья, он заволновался и решительно шагнул в воду заливчика. Наш рулевой дернул рукоятку мотора, однако, как бывает в таких случаях, мотор не заводился. Рулевой чертыхнулся сквозь зубы. Каньяпен, схватив шест, стал отводить лодку на безопасное расстояние. При этом он приговаривал:

– Два месяца назад случилось то же самое... Два месяца назад...

Несмотря на усилия Каньяпена, слон неумолимо приближался к нам. Его примеру последовали два других.

Наконец злополучный мотор завелся. Рулевой вытер пот со лба. Лодка развернулась и вылетела из залива. Три слона, стоя по грудь в воде, провожали ее взглядами.

Мы снова вышли на большую воду, и лодка повернула к западу.

Маннаны – «люди земли»

В этот день мы отправились к маннанам. Небольшой поселок Маннанкоди находился в двух милях от Кумили. Его хижины были разбросаны среди бамбуковых зарослей, манговых деревьев и банановых рощ. Около хижин – небольшие участки рисовых полей, за полями начинаются джунгли. От Кумили к поселку ведет узкая лесная тропинка.

В поселке нас сразу же окружили женщины и дети. У них была темная кожа, широкие, чуть приплюснутые носы. На женщинах были надеты короткие кофточки и яркие длинные юбки. Говорили они на какой-то странной смеси двух языков – малайлам и тамильского. Мужчины бросили свои обычные занятия и присоединились к женщинам. На меня обрушился град вопросов: кто я, откуда, зачем приехала, нравятся ли мне маннаны, хочу ли с ними подружиться. Моя белая кожа вызвала некоторое замешательство.

Одна из женщин приблизилась ко мне и дотронулась до руки.

– Что такое? – спросила я.

– Можно потрогать?

– Конечно.

И сразу раздалось несколько голосов:

– И мне, и мне.

Я отдала руку на растерзание. Фотоаппарат и кинокамера тоже были тщательно обследованы. Высокий парень в клетчатой рубашке принес циновку и расстелил ее посередине селения рядом с брошенными деревянными ступами, где несколько минут до этого женщины рушили падди¹.

– Садитесь, – сказал парень, – сейчас я расскажу вам, какая у нас беда.

Все ринулись на циновку, и мне не осталось места.

– Двигайтесь, двигайтесь, – засуетились женщины. – Пусть гость сядет в середину.

– Рассказывай, рассказывай, Канникерен, – оживились все.

– Вчера ночью на наши поля забрел дикий слон. Вытоптал рис и сожрал наш урожай.

Что мы должны теперь делать?

Я не знала, что теперь делать. Все вздыхали и смотрели на меня.

– А у вас слоны есть? – спросил кто-то.

– Нет.

– Охо, охо, – снова зашумели все. – У них даже слонов нет. Откуда человек может знать, что теперь делать?

– Ну, а вы что делаете, чтобы охранять поля от диких слонов? – вышла я из затруднительного положения.

– Мы ночью бьем в барабаны и зажигаем огонь. Слоны пугаются и уходят.

– А что же случилось вчера ночью, почему слон не испугался?

– Пусть скажет тот, кто виноват.

Но виновника среди присутствующих не оказалось. Он благоразумно скрылся.

– Ему стыдно перед гостем, – объяснили мне. – Ведь он уснул, и наш барабан замолк.

Потом я заметила, что поля маннанов обнесены высокой бамбуковой изгородью. Это тоже от слонов. Однако животные нередко ломают изгородь.

Подошла высокая женщина. За ее спиной висел довольно упитанный малыш, привязанный к матери полосой ткани.

– Теперь пойдем ко мне в гости, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

¹ Падди – неочищенный рис.

Я поднялась, и мы всем селением двинулись в гости к Лакшми – так звали женщину. Хижина Лакшми, как и все другие хижины в селении, была построена из бамбуковых жердей. Крыша и стены были оплетены пальмовыми листьями. Высота хижины составляла метра три. Окон не было, свет проникал через три открытых дверных проема. Стоял специфический запах дыма и еще чего-то мне незнакомого. Жерди на потолке закоптились, и с них свисали пропыленные лохмотья сажи. По правую и левую сторону от основного помещения были отгорожены небольшие каморки; стенки в перегородках, отделявших эти каморки, не доходили до потолка. В одной из каморок хранились циновки и домашняя утварь. Мебели не было. Под крышей висели глиняные горшки и бамбуковые сосуды. На земляном полу у тлеющего костра лежало несколько циновок – это была спальня. На противоположной стороне находился другой очаг. Здесь на трех вертикальных камнях стоял глиняный горшок, в нем варился рис. Недалеко от этого был подвешен тростниковый мат, на котором обычно сушат рис, а под ним разводят огонь.

– А в другой маленькой комнате у вас кто-нибудь живет? – спросила я Лакшми.

– Да, Танга и Раджу. Танга – моя дочь, – пояснила она, – а Раджу ее муж.

– Это я Танга. – В дверном проеме появилась тоненькая девушка лет шестнадцати.

– А где Раджу?

– Он спрятался, – засмеялась девушка. – Он стесняется. Раджу! – позвала она.

Однако в каморке по-прежнему не было движения. Раджу затаился.

– Пойдем к нему, – подтолкнула меня Лакшми.

Я заглянула в каморку. В углу, съежившись на циновке, сидел парень. Увидев меня, он прикрыл лицо ладонью, как стесняющаяся деревенская девушка.

– У вас все мужчины такие застенчивые? – спросила я.

– Большинство, – хихикнула Танга. – С ними очень трудно.

– Что же, они застенчивы как девушки?

– Как кто? – не поняла Танга.

– Почему как девушки? – вмешалась Лакшми. – Он застенчив как все молодые парни.

Теперь перестала понимать я. Только потом, когда я обнаружила, сколь сильны еще в родовой организации маннанов элементы матриархальных отношений, мне многое стало ясно. Эти отношения влияют на все стороны жизни племени.

Застенчивый Раджу живет в доме матери своей жены. Обычай такого рода довольно распространен среди маннанов, очень многие мужчины в Маннанкоди живут в семьях своих жен. Девушка, выходя замуж, продолжает принадлежать к роду своей матери. Брачная церемония, как правило, происходит в доме невесты. Расходы по устройству свадьбы родители невесты поровну делят с родителями жениха. Жених же обязательно должен подарить невесте новое сари. Самая важная часть брачной церемонии – завязывание тали² на шее невесты. Этот обряд выполняет родственница жениха, в большинстве случаев – его сестра.

Старики племени хорошо помнят те времена, когда муж в обязательном порядке должен был жить в семье жены. Теперь времена меняются, и в племени появляются новые обычаи. Хотя старая традиция – селиться в семье жены – еще сильна, но уже появились случаи, когда мужчина требует, чтобы жена жила в его семье. Противоречия, возникающие на этой почве, приводят к частым разводам. Идет своеобразная борьба между матерями за дочерей и мужьями за жен. Нередко женщина, согласившаяся жить у мужа, уходит снова в семью матери. Поводом к этому служит то, что маннаны иногда на некоторое время покидают свои селения и трудятся в качестве поденщиков на соседних плантациях. Жены, воспитанные на матриархальных традициях, пользуются «благоприятным моментом», переселяются вновь в свои семьи и не хотят оттуда возвращаться, настаивая, чтобы мужья жили с ними там. А мужья не хотят. Они, вла-

² Тали – ожерелье или шнур, отличительный признак замужней женщины.

дельцы небольшого заработка, начинают чувствовать себя материально независимыми и стараются занять в своей семье господствующее положение.

В племенах, где еще сильны элементы материнского рода, разводы допускаются свободно (как правило, они бывают сложны и трудны в обществе с устоявшимися патриархальными традициями). В племени маннанов разведенная женщина легко может вновь выйти замуж, правда не раньше чем через год-два.

Маннаны занимаются собирательством и земледелием. Из джунглей они приносят мед, кардамон, целебные корни. Все это они сдают в Лесной департамент и получают за это гроши. В далекие времена собирательство было основным занятием племени, теперь все большую роль начинает играть земледелие. Когда-то маннаны практиковали подсечное земледелие. Они жили в джунглях, где было много свободной земли. Если земля истощалась, они выжигали новые участки джунглей и обрабатывали там свои поля. Но постепенно местные феодальные правители стали вытеснять маннанов с насиженных земель. Несколько сот лет тому назад правитель Мадурай согнал племя с плодородных земель долин, и маннаны постепенно откочевали в горы Кералы. Но здесь они тоже не избежали тяжелой участи. Крупные помещики и раджи, которым принадлежала земля горных джунглей, быстро «сориентировались» и оказали маннанам высочайшее «покровительство». За это «покровительство» племя заплатило дорогой ценой. Превращенные в полурабов-полукрепостных, маннаны умирали от болезней и недоедания в холодных горах. От некогда большого племени сейчас в Керале осталось около пятисот человек. «Покровители» и «защитники» бесцеремонно вмешивались в дела племени. Неудобные вожди и старейшины были смещены. Вместо них были назначены новые, в лояльности которых можно было не сомневаться.

Эта искусственно созданная верхушка стояла от остальных соплеменников несколько особняком. Раджа Пунджата сам назначил первого главу племени. Им стал Вараджилкишу Маннан из Теллраймалаи. Серебряный меч и серебряный браслет были подарены ему как символ власти. Вараджилкишу стали величать королем. Появились также новые старейшины, или каникараны. Королю и им было дано право распоряжаться земельным фондом племени. И они, конечно, себя не обошли.

Новый король и старейшины в знак благодарности стали приверженцами господствующей религии – индуизма. Старые боги были заменены новыми. Великая богиня Амма-мать была свергнута с пьедестала. Но женщины с этим не согласились. До сих пор они поклоняются своей богине. Однако годы сделали свое дело. В легендах маннанов стали фигурировать индуистские боги, люди постепенно забывали древние божества. Старики уносили в могилы предания. Завещанное предками умирало вместе с ними. С годами молодые превращались в стариков, но они уже ничего не помнили. Полузабытая история племени и новые боги фантастически переплелись в их мозгу.

– Откуда появились первые маннаны? – спросила я двух стариков, сидящих передо мной на циновке.

– Мы ничего об этом не знаем, – сказал один из них.

Другой слезящимися глазами смотрел на вершину дальней горы. Там, над горой, светилась звездами зелено-голубая полоса неба. За селением глухо бил барабан. Ближние заросли бамбука тонули в сиреновой мгле сумерек. Старик поднял на меня слезящиеся глаза.

– Посмотри, – начал он, – как прекрасна эта земля. Она была еще прекрасней в ту ночь, когда Парвати, жена Шивы, сделала глиняного слона. Из слона вышел человек. Это был самый первый маннан. Все племя пошло от него.

– Разве Парвати богиня маннанов? – усомнилась я.

– Да, – ответил старик.

– Но ведь Парвати – богиня людей из долины. Как же она может быть богиней маннанов?

– Это так, – сказал старик. – Больше я ничего не знаю.

И он стал смотреть на зеленые квадратики полей, тянувшихся между хижинами и джунглями.

– Как мало теперь у нас земли, – вздохнул он. – Раньше мы сеяли там, где хотели...

Земли в Маннанкоди действительно мало. Всего в поселке сто двадцать три акра. Самый маленький участок – пол-акра, и самый большой – четыре акра. Семьи у маннанов большие, и часто практически невозможно прокормить семью участком даже в четыре акра. В Маннанкоди культивируют рис, раги³, маниоку, сладкий картофель. Чтобы подработать, мужчины и нередко женщины нанимаются поденщиками в Лесной департамент, на плантации. Неподалеку организован центр ремесла, и здесь жители Маннанкоди плетут тростниковые циновки с красивым геометрическим узором. Плетение циновок – традиционное ремесло маннанов. Мне показывали много циновок, и ни на одной из них узор не повторялся. В этом же центре маннаны делают легкую плетеную мебель. Это занятие для них новое, но они с ним прекрасно справляются. В плетеных стульях, столиках и скамьях проявляется их своеобразный, неповторимый вкус. За эту работу жители Маннанкоди получают гроши. На жизнь не хватает. Поэтому так бедны их закопченные хижины, а одежда светит дырами и изобилует неумело посаженными латками.

И только один человек в Маннанкоди резко отличается от других. Это – каникаран, или старейшина. Его зовут Перумал Купан. Высокий, худощавый, с седым венчиком длинных волос вокруг лысеющего черепа, он кажется гораздо моложе своих семидесяти лет. На его темном продолговатом лице выделяется длинный, хищно загнутый нос. Выцветшие глаза смотрят хитро, настороженно и оценивающе. Над верхней губой прилепились фатовски подстриженные усики. Не в пример соплеменникам на нем чистая добротная рубаша и дхоти. После первых слов приветствия он протягивает мне трость с серебряным набалдашником.

– Моя трость, – хвастливо говорит он.

– Очень приятно.

– Символ власти.

Кажется, этот человек предьявляет мне удостоверение в том, что он действительно каникаран.

У Перумала Купана есть солидный участок земли. На нем трудятся жители Маннанкоди. Каникаран их только кормит во время работы. Нередко вождь отбирает у маннанов то, что они смогли собрать в лесу. Ему несут мед, съедобные корни, лечебные травы.

Согласно древним традициям, каникаран должен выполнять ряд обязательств перед своими «подданными». Теперь обязательства исчезли, остались только права.

У маннанов, живущих в районе Кумили, есть свой совет, во главе которого стоит Перумал Купан. Последний раз совет собирался два года назад. Когда были предыдущие советы, каникаран не помнит.

– У меня на совете обсуждаются самые важные дела племени, – гордо заявил мне вождь. – Два года назад мы решили перекрыть все крыши в Маннанкоди. А потом установили ночных сторожей, которые должны охранять поля от диких свиней и слонов.

Но разрушить древнюю родовую организацию племени еще не удалось ни раджам, ни старейшинам. Эта организация в какой-то мере сплачивает племя и служит ему своеобразным подспорьем в тяжелой борьбе за существование. У маннанов есть ряд экзогамных родов⁴. В районе, который мне удалось посетить, было только два таких рода: Панникуди и Аравакуди. Важный элемент уже угасающего материнского рода – наследование по женской линии. Пост вождя переходит к племяннику, или сыну сестры, собственность тоже переходит к нему. Но в последнее время появились явно выраженные патриархальные тенденции. В Маннанкоди

³ Раги – зерновая культура.

⁴ Экзогамия – обычай, согласно которому между членами одного и того же рода запрещаются браки.

имущество делится поровну между племянниками и сыновьями, а в некоторых семьях полномочными наследниками уже являются сыновья. Сын Перумала Купана Пандиен после смерти отца каникараном не будет, этот пост займет его двоюродный брат. А что касается имущества – тут у Пандиена другая точка зрения.

– Имущество отца будет принадлежать мне, – сказал он. – С него (имелся в виду двоюродный брат – *Л. Ш.*) хватит и того, что он станет каникараном.

И сам Перумал Купан подтвердил:

– Моя земля отойдет сыну. Я не должен заботиться о племяннике.

... Из селения Маннанкоди мы с Чинмайей возвращались поздно вечером. Выпала обильная роса, и наша одежда отсырела. Мы прошли окраинные дома Кумили и снова вступили в джунгли. Было совсем темно, тропинка еле угадывалась в густых зарослях.

Джунгли жили своей ночной жизнью. Трещали цикады, перекликались какие-то ночные птицы. В кустах что-то ворочалось и вздыхало. Наконец мы вышли на шоссе. В лунном свете оно казалось бесконечным длинным полотном. И на этом полотне лежали четкие узоры – тени гигантских деревьев. Прямо над головой сверкали россыпью драгоценных камней Плеяды. Совсем низко над джунглями висел ромб Южного Креста. Вдруг в какое-то короткое мгновение все изменилось. Деревья стали излучать зеленоватое сияние. Мне показалось, что мириады звезд спустились с неба и усеяли джунгли. Они были везде – на деревьях, кустах, на дороге. Зеленые огни светляков непрерывно двигались. И может быть, только это и отличало их от неподвижных созвездий в небе. Они перемещались с дерева на дерево, с куста на куст и манили, манили в чашу. Зеленые манящие звезды. Пойдешь за такой, а она обманет и улетит. И ничего не останется, кроме темноты и пугающей чащи джунглей...

Впереди, за черными силуэтами деревьев, совсем неожиданно лунным серебром блеснула вода Великого озера. Мы прошли еще с полкилометра и за поворотом сквозь заросли увидели освещенные окна нашего пристанища. Это было не ускользающее призрачное сияние светляка, а ровный необманчивый свет человеческого жилья. Свет ночлега, в котором мы так нуждались.

Знакомьтесь, его величество король маннанов

От Кумили до Пирамеду – 19 миль

От Пирамеду до Куттикаяма – 3 мили

От Куттикаяма до Еллапара – 5 миль

От Еллапара до Айяпанковил – 12 миль

От Айяпанковил до Канчияра – 5 миль

От Канчияра до поселка короля – 3 мили

Утром на кронах деревьев ключьями висел туман. Он опускался все ниже и ниже и наконец заполнил всю лощину, по дну которой вилось шоссе. Небольшой расхлябанный автобус шел полупустой. Туман каплями оседал на кузове машины. Казалось, ему не будет конца, и только часа через два стали пробиваться первые солнечные лучи. Туман постепенно исчезал, и наконец джунгли и горы засверкали всеми красками солнечного утра. Мы проезжали редкие селения и маленькие городки, затерянные в безбрежном пространстве зеленых лесных массивов. Сначала наш путь лежал на восток, затем мы резко свернули на север. Мы несколько раз пересаживались, с трудом втискиваясь в набитые местные автобусы. В одном из них мы сидели на винтовках лесной охраны. Винтовки лежали рядом с разогретым, пахнущим маслом мотором. От каждого толчка затворы и прицельные мушки врезались в тело. Охранники, молчаливые ребята в шортах цвета хаки и тяжелых ботинках, сохраняли полную невозмутимость. Они не беспокоились о том, что боевое оружие используется не по назначению. Дорога то карабкалась вверх по крутым склонам, то резко шла вниз. Иногда мы въезжали в прохладные полутемные ущелья, по дну которых текли горные реки с низкими каменными порогами. Через реки были переброшены широкие бамбуковые мосты-настилы.

Потом в нашем распоряжении остались лишь редкие попутные машины и ухабистая грунтовая дорога. Поселки и деревни исчезли. Начались глухие, ненаселенные джунгли. У водителей изредка попадавшихся грузовиков мы спрашивали прямо:

– Где живет король маннанов?

Никто из них не удивлялся нашему вопросу. Они безошибочно показывали, в какую сторону надо идти или ехать.

Солнце поднималось все выше и выше. Оно остановилось на некоторое время в центре неба, а затем стало неудержимо скатываться к западу. Мы пили чай и ели бананы в придорожных харчевнях-хижинах. Наши лица и руки были покрыты толстым слоем грязи и пыли. А мы все ехали и шли, шли и ехали. И все гуще становились заросли джунглей. Очередной попутный грузовик свернул на широкую лесную просеку, а мы высадились на пустынной дороге. Косые лучи солнца освещали заросли бамбука, причудливо изогнутые тросы лиан, резные листья огромных папоротников. Ни людей, ни машин. Двухметровая черная кобра медленно переползала дорогу. На какое-то мгновение она остановилась, пристально посмотрела в нашу сторону и скрылась в кустах. Вдруг из-за поворота совсем неожиданно вырвался джип. Мы проголосовали. Машина остановилась. Рваный, промасленный брезент прикрывал кузов джипа. Водитель, молодой парень в красном тюрбане, чертыхнувшись, спросил, что нам надо.

– Где король?

– А! – пропыленную физиономию парня растянула улыбка до ушей. – Так бы и сказали. Миль через пять джип остановился у тропинки, уходящей в заросли.

– Приехали, – сказал водитель. – Король живет недалеко отсюда. Мили две по тропинке.

Не сворачивайте никуда, а то собьетесь.

Мы углубились в чашу.

– Эй! – раздался с дороги голос водителя. – Будьте осторожны! Тут полно всякого зверья!

Наконец из-за густых деревьев показались крытые пальмовыми листьями хижины королевской резиденции. Над крышами в вечеряющем небе вился синий дымок. Весь поселок был расположен в низине, и только на каменистом пригорке стояла большая, не менее двадцати метров в длину, хижина.

– Полагаю, что это королевский дворец, – оживился Чинмайя.

Несколько темнокожих босоногих мальчишек в узеньких набедренных повязках выскочили из-за кустов. При виде нас они замерли. Но через мгновение они пришли в себя и сообщили, что честь первооткрытия принадлежит им. Вопросы посыпались немедленно:

– Вы к нам?

– К королю.

– А эта амма⁵ откуда? Мы никогда таких не видели.

– Амма из России.

Времени на то, чтобы выяснить, что такое Россия и где она находится, явно не оставалось. Сверкая пятками, первооткрыватели понеслись в поселок. Джунгли огласились криками: «Амма из России к королю! Амма из России к королю!» Этикет был соблюден. Глашатаи по всем королевским правилам доложили о заморском госте. Только была одна трудность. «Амма из России» не знала, как разговаривать с королями. Ей просто никогда этого не приходилось делать.

– Мистер Чинмайя, вы не знаете, как говорят с королями?

– Нет. Я с королями раньше не встречался. Но я думаю, – помедлил Чинмайя, – надо сказать «здравствуйте».

– Это уже кое-что, – обрадовалась я.

– Да, конечно, – засуетился Чинмайя, – мы придем и скажем: «Здравствуйте, ваше величество».

– Обязательно «ваше величество»?

– Мне кажется, так лучше. А там как получится.

Мы поднялись на пригорок ко «дворцу». Перед «дворцом» стоял широкоскулый коренастый человек лет сорока пяти. Мускулистые руки были сложены на груди, которую обтягивала форменная рубашка цвета хаки. Домотканое дхоти прикрывало ступни ног. В его осанке, на мой взгляд, было что-то королевское. Правда, его босые ноги несколько смущали меня. Но ведь были даже и голые короли, не только босые.

– Вы король? – доверительно спросила я его. Последовал королевский кивок.

Тогда, вспомнив наставления Чинмайи, я сказала:

– Здравствуйте.

Он указал мне на циновку, и мы сели. Я жалела, что мы не обсудили с Чинмайей, что надо сказать после «здравствуйте».

Теперь приходилось полагаться только на себя. Я важно вынула записную книжку и ручку.

– Сколько лет вы работаете королем?

– Семь лет, – с готовностью ответил король. – С тех пор как умер мой дядя. Он умер, и я стал раджаманнаном, или королем. А меня зовут Наикманнан. А моего...

– Стоп, ваше величество, не так быстро и не обо всем сразу. Я не собираюсь сейчас же уходить.

– Значит, вы у нас еще останетесь? – оживился король.

– Если будет на то ваша королевская воля.

– Будет, будет, – заторопился Наикманнан.

Так я наладила отношения с первым в моей жизни королем.

⁵ Амма – мать (*тамилский, малаями*).

Королевский «дворец» оказался большой просторной хижинкой размером не менее ста метров. Как и в любой хижине маннанов, там было два очага. Один для приготовления пищи, другой для обогрева в холодные ночи. Около очагов лежали циновки. На плетеных полках сушился рис. На стене висел предмет королевской роскоши – зеркало с отбитым краем. Вдоль стены у входа стояло несколько плетеных кресел. У противоположной стены был королевский «трон» – плетеный мат, укрепленный на четырех бамбуковых жердях. «Трон» священен. Король восседает на нем во время советов и приемов подданных.

Хижина была совсем новая.

– Мне ее построил мой народ, – сказал раджаманнан. – Это его обязанность.

Мы разговаривали, а вокруг, сопя носами, стояли босоногие принцы и принцессы.

– Ну что уставились? – прикрикнул на них король. – Прибрали бы, что ли. Гость вот у нас.

Принцессы ухватили травяные веники и стали ожесточенно мести земляной пол. В воздух поднялись клубы пыли, смешанные с пеплом очагов.

– А, чтоб вас! – в гневе закричал король.

Голозадый, самый младший отпрыск королевского рода, воспользовавшись всеобщим замешательством, запустил руку в горшок с едой. Отцовский окрик заставил его вздрогнуть. И он уронил горшок на себя. Осколки разлетелись по полу. Принц возопил. Появилась всклокоченная королева и наградила его двумя увесистыми шлепками. Рев стал еще громче.

– Кончится этот шум или нет? – король вышел из себя. – Никакого послушания! Король я или не король?

– Король, – отвечало притихшее семейство.

– То-то, – удовлетворенно произнес Наикманнан, – а теперь убирайтесь отсюда.

Королевская власть демонстрировалась передо мной в полную силу.

Однако не прошло и пяти минут, как королевские отпрыски снова начали просачиваться во «дворец». Я дала одному из них цветную коробочку из-под пленки. Он схватил ее и издал победный клич. Немедленно в коробку вцепились трое других. Началась свалка.

Король в изнеможении тупо смотрел на дерущихся.

– Разве это королевская семья? – философски заметил он. – Сплошной позор.

Как выяснилось, у раджаманнана было семь детей. Пять мальчиков и две девочки. Двое сыновей были уже взрослыми. Одна из дочерей вышла замуж и жила вместе с мужем в доме отца в небольшой, отгороженной в этой же хижине комнатке.

Я заметила на руке короля серебряный браслет.

– Подарок махараджи?

– Да. Вот его эмблема. Махараджа был великий человек. Он очень уважал маннанов и их короля. Но король маннанов теперь не хуже. Махараджи нет, а король остался. Теперь правительство меня уважает.

– А вы не входите в правительство?

– Нет, я независим. У меня свое правительство. Только я несу кое-какие обязанности по отношению к высокому правительству.

– Какие обязанности?

Король задумался.

– Да, – начал он, – если слон подохнет, то я должен сообщить в Лесной департамент. Слоновая кость очень ценная. И еще я должен следить за культивацией. Или, например, люди моего племени собирают в лесу мед, кардамон, имбирь. Я должен проследить, чтобы они сдали все на правительственный аукцион. За это мне полагается один фунт продукции с каждых ста собранных.

– Ну, а что вы делаете кроме этого?

– О, у меня весь день занят. Очень много дел. Я ведь король.

После утренней молитвы его величество отправляется смотреть, как идут дела на его полях. У короля в этой местности тридцать акров, есть участки и в других местах. На королевских землях работают его подданные. Работают бесплатно, только за еду. Когда-то они были послушны и покорны, но теперь настали другие времена. Все норовят уйти и не работать. Королевский гневный глас с утра разносится по джунглям. Король уговаривает, потом грозит, пускает в ход тяжелые кулаки. После такой зарядки он ощущает резкий приступ голода и отправляется завтракать. Девочки, прислуживающие во «дворце», несут его величеству кофе, вареную тапиоку, путту, листья бетеля, бананы. Вечно голодные ребятишки поселка, глотая слюну, смотрят на обильную королевскую трапезу. Это раздражает раджаманнана, и он кричит, чтобы они убирались. После завтрака, ощущая приятную сытость в желудке, король решает обойти свою землю и побеседовать с подданными. Все-таки народ должен помнить, что у него есть король. В дальние селения его величеству идти лень, там он бывает раз в год, не больше. Зато ближние очень часто получают королевское благословение. Он идет по узенькой тропинке через джунгли, иногда его сопровождают приближенные. И думает: кого бы сегодня благословить? Мысли у короля невеселые. Благословляй не благословляй, все равно прибыли от этого мало. Когда-то королевское благословение ценилось высоко. Маннаны платили за него медом и кардамоном, нежным мясом черных обезьян, своим урожаем. Королевская доля была неприкосновенной. Теперь тоже кое-что приносят, но каждый делает это по своему усмотрению.

Вот и сейчас раджаманнан идет в селение маннанов. Король вспоминает, что еще несколько лет назад, когда замечали его появление, к нему бежали дюжие парни с носилками. Его величество садилось в носилки, подданные издавали крики радости и втаскивали его на вершину. Носилки плыли на плечах маннанов по поселку, и король мог чувствовать себя королем. Сейчас он стоит у подножия и ждет. Но носилки не показываются. Ждет десять минут, двадцать, но никто даже не спускается к нему. «Делают вид, будто не видят», – раздражается король. Однако какая-то надежда теплится. Она окончательно исчезает, когда проходит еще полчаса.

Раджаманнан начинает подниматься в гору. Идти трудно. За последние годы его тело стало грузным и появилась одышка. Но что не сделаешь для своего народа... У самого поселка его встречает каникаран. Лисья физиономия, бегающие глаза. Еле отдышавшись, король спрашивает:

– Носилки?

– Какие носилки? Мы не заметили тебя, раджаманнан. – Каникаран отводит глаза в сторону.

Король знает, что с каникараном ссориться нельзя. С ним надо быть осторожным.

– Идем, – говорит он каникарану.

Угодливо сгибаясь, каникаран ведет короля в свою хижину. Там стоит специальный «трон» для короля. Такой же, как и у него во «дворце». На «трон» никто не смеет сесть, кроме него. Раджаманнан водружает на «трон» грузное тело и удовлетворенно закрывает глаза. Наконец он снова чувствует себя королем.

Перед королем ставят рис, уложенный на банановые листья. Карри из мяса черной обезьяны благоухает.

Король смягчается. После обеда он спит на своей королевской кровати, а потом идет в поселок благословлять народ.

Солнце уже клонится к горизонту. Длинные тени деревьев ложатся на крыши хижин. На другом конце селения грохочут два барабана. В честь короля после захода солнца начнутся танцы. Душевное равновесие окончательно возвращается к раджаманнану. И он дает согласие остаться здесь еще дня на два.

Каникаран обходит хижины и каждому дает указание, что надо принести для королевского прокорма. Люди недовольны, но приносят то, что надо. У короля изрядный аппетит, и в бюджете жителей деревни образуется ощутимая прореха.

Если раджаманнан не задерживается в поселке, он возвращается после обеда домой. И тогда снова туго приходится поденщикам на его полях. А вечером снова бьет барабан. Король желает смотреть танцы.

Как у каждого уважающего себя короля, у Наикманнана есть министры. Он так и говорит – министры. У махараджи Траванкура тоже были министры. Король маннанов не хуже. Улантари Кудиянавам – премьер-министр. Он же и министр внутренних дел. У него есть титул – маниаран. Премьер, по выражению самого раджаманнана, стоит между королем и народом. Должность эта наследственная. Все жалобы к королю поступают только через маниарана. Во время отлучек короля премьер во всем замещает его. Он управляет всеми празднествами и церемониями, разрешает ссоры, устанавливает мир и порядок в племени. В его распоряжении находится полиция – несколько десятков молодых парней. У них тростниковые палочки с двумя набалдашниками, сделанными из красных семян «купи». Это и оружие и символ власти. Как символ власти палка освящается перед богами. В племени еще не научились воровать и убивать, поэтому функции полиции в основном сводятся к категориям нравственного порядка. Самое страшное преступление – прелюбодеяние. Времена свободных отношений между мужчиной и женщиной, свойственные материнскому роду, уже прошли. О полиандрии – многомужестве остались только воспоминания. Теперь мужчина получил право на несколько жен. Правда, такая форма брака у маннанов допускается только в том случае, если первая жена бесплодна. От женщин теперь требуют неукоснительного соблюдения супружеской верности. Еще лет десять назад женщина не наказывалась за неверность, наказание нес только мужчина. Маннаны были уверены в том, что только мужчина может быть соблазнителем. Теперь полиция премьера порет за прелюбодеяние и мужчину и женщину. Однако, сохраняя какую-то верность традициям материнского рода, правительство решило давать женщинам за измену в два раза меньше ударов, чем мужчинам. Так, если полиция зарегистрировала факт супружеской неверности и обе стороны, вовлеченные в это незаконное деяние, до этого ни разу не провинились, то мужчина получает четыре удара, а женщина два. Для «рецидивистов» премьер увеличивает количество ударов по своему усмотрению.

Премьер-министр и полиция – это еще не все, чем располагает король. У короля есть одиннадцать малых раджей. Все они – его кровные родственники. Целая правящая династия. И маннанам надо бесплатно работать на полях каждого из них, и надо давать им часть собранной в лесу продукции, и – соблюдать положенные каждому почести.

Духовная и гражданская власть в племени маннанов строго разграничены. Духовную власть возглавляет верховный жрец, или вати. Жрец – лицо важное. И он хорошо сознает свое положение.

... У вати узкое лицо и браминский узелок на волосах сзади. В уши продеты металлические серьги. Вати – явный проиндуист. Мы очень долго говорили с ним, пока мне удалось выяснить кое-что о старых богах маннанов. Вати упорно не хотел о них говорить, он все рассказывал о Шиве, Парвати, Вишну. Но наконец на сцену выплыла старая богиня маннанов Кулатимутты. Богиня до сих пор не забыла маннанов, как забыли ее их жрецы. Она помогает племени в трудные моменты, и ей приносят в жертву ткани и посуду – подарки, которые полагаются делать женщине. У Кулатимутты есть брат – бог Майяр. Это очень сердитый бог. Когда он разгневется, то насылет на племя черную оспу. Судя по тому, что у маннанов многие лица обезображены оспой, Майяр сердится довольно часто. А богиня спасает племя от оспы и предотвращает всяческие бедствия. Вати сказал, что у короля есть все боги маннанов. Я попросила их показать. Король охотно согласился. В его хижине, за маленькой комнатой молодых, оказался небольшой алтарь. В нише было совсем темно, и раджаманнан зажег мед-

ный светильник с четырьмя фитилями. Я увидела земляную суфу – небольшое возвышение, на котором обычно сидят или спят. На суфе стояли боги, а на цветном листе бумаги была изображена богиня храма в Мадурай – Минакши. Минакши оказалась верховным божеством племени. Традиции материнского рода опять давали себя знать – из многочисленного пантеона индусских богов маннаны все же выбрали богиню. Тут же на суфе стояли бронзовые статуэтки индусских богов опять-таки мадурайского происхождения. Некоторые из них фигурировали в качестве предшествующих раджаманнанов. Видимо, своеобразное обожествление королевской власти у маннанов началось именно с того, что идола богов были названы королями. И сделал это сам король. Традиция, вероятно, только зарождалась, и вати был первым ее поборником.

От рассуждений о богах меня оторвали самым неожиданным образом. На пороге королевского дворца появился невысокий молодой человек. Он был одет в белую чистую рубашку и дхоти. Открытое лицо его освещалось приветливой улыбкой.

– Так вот вы где! – сказал человек. – А я вас ишу повсюду. Извините. Я не мог прийти раньше. Был занят в школе.

– Какая школа? Где? И кто вы?

– Школа для детей из племени. Она тут, в двух милях отсюда. А я учитель. Меня зовут Питамбаран. – И, не переводя дыхания, воскликнул: – Какой гость! Какой гость! Вы здесь первая русская. Да что русская, эти люди никогда и не видели человека с белой кожей. Идемте со мной, прошу вас. Моя жена тоже хочет с вами познакомиться. – И снова стал приговаривать: – Какой гость, какой гость.

Признаться, я была немного смущена происходящим.

– Идемте, идемте, – торопился Питамбаран, – моя хижина здесь же. Вот за тем пригорком. Я живу вместе с маннанами. Они очень хорошие люди. И я счастлив с ними. Но знаете, иногда хочется встретиться с новыми людьми. Ведь здесь это так редко случается. А тут я узнаю: гость, да еще русский. Подумать только! Человек из страны космических ракет забрел к нам в племя. Такого еще не было, поверьте мне.

Когда мы подошли к хижине учителя, наш эскорт из юных маннанов увеличился по крайней мере человек на сорок. И по тому, как ласково обращался с ребяташками Питамбаран и как они доверчиво льнули к нему, я поняла, что учитель своей искренностью и добротой заслужил настоящую любовь племени. И я не ошиблась.

У хижины нас встретила молодая женщина, жена Питамбарана.

– Посмотрите на нашу хижину, – сказала она. – Ее нам построили маннаны.

Хижина ничем не отличалась от хижин селения. Но видно было, что строители вложили в нее свою любовь к этому человеку – она была как-то складней и аккуратней, чем другие. Там был очаг, врытый в земляной пол, стояли два плетеных топчана и на бамбуковой стене висела небольшая полочка с книгами. На табуретке в углу стояла зажженная керосиновая лампа. Несколько циновок было брошено у порога. Вот и все.

– Мне больше ничего и не надо, – сказал Питамбаран. – Есть крыша над головой, есть на чем спать, ну и довольно. Мы с женой здесь очень счастливы. А если бы вы знали, какие это люди – маннаны! Я живу здесь три года и, наверно, останусь у них на всю жизнь. Вот только король... – легкая тень набежала на лицо учителя.

– Что король? – спросила я.

– Не люблю я его, – в его тоне появились извиняющиеся нотки.

– Я тоже.

– Правда? – обрадовался Питамбаран. – Власть его развратила, и он утратил доброту к людям. У меня с ним часто бывают стычки.

– Типичный паразит, – подтвердила я.

– Вот именно паразит. Он самоуправствует и считает, что все племя – его рабы. А это не так, они же люди.

Жена учителя принесла угощение: жареные бананы и путту. Не успели мы доест, как на пороге хижины появился голозадый, шмыгающий носом гонец лет семи. Он долго рассматривал нас и переминался с ноги на ногу.

– Король... – сказал он. Затем шмыгнул носом и умолк.

– Что король? – спросил учитель. – Что с ним случилось?

– Король, – начал гонец снова, – будет танцевать. Нет, – поправился он, – маннаны будут танцевать. Король вас зовет.

И, повернувшись, опротясь бросился через заросли.

Мы вышли из хижины. Дул прохладный ветер. Луна на ущербе освещала джунгли призрачным голубоватым светом. Раскидистые кроны деревьев, пальмы, заросли кустов приняли какие-то нереальные причудливые очертания. Лунный свет дробился искрами в быстрых струях бегущей горной реки. Густые заросли скрывали хижины, и казалось, что вокруг никого и ничего нет, кроме тусклого огонька в маленьком окошке хижины учителя. И по мере того как мы шли, этот огонек становился все меньше и тусклее и наконец исчез. Тропинка делала неожиданные повороты и изгибы в лунных зарослях. Стоял час той удивительной тишины, когда дневная жизнь джунглей кончилась, а ночная еще не началась. И вдруг в эту тишину ворвался грохот барабанов. Он нарастал как-то победно, эхом отзываясь в горах и лесных зарослях. Этот зовущий ритм наполнял собой все вокруг, и казалось, в мире ничего не существует, кроме этого лунного света, замерших деревьев и прерывистого звука барабана.

Мы шли, как замороженные, на этот звук. Он становился все громче и отчетливее.

– Барабаны в джунглях бьют каждую ночь, – сказал Питамбаран. – Так отпугивают зверей. Кстати, будьте осторожны. Эти заросли всегда полны всяких неожиданностей. Недели две назад в это же время на одного маннана бросилась пантера. Прыгнула прямо на спину. Хорошо, люди были поблизости. Еле отбили.

Хижина короля была освещена единственной ацетиленовой лампой, стоявшей на земляном полу. Горели оба очага, и сизый дым наполнял королевские апартаменты. Он ел глаза и выбивал слезы. Около очага для обогрева сидело человек двадцать маннанов, столько же стояло у стены. На «троне» восседал король, завернутый в красное одеяло. Вокруг «трона» в живописных позах разлеглись министры, жрецы, блюстители порядка и прочая придворная знать.

– Эй, вы, – крикнул король придворным, увидев нас, – место гостям!

Мы разместились на циновке около очага. Пляшущий веселый огонь согревал колени и грудь, но спина начинала мерзнуть. Холодный сырой воздух наползал из джунглей. Красноватые отблески костра ложились на музыкантов. Их тени то неожиданно вырастали, то становились совсем карликовыми. Темные, почти черные, руки ритмично били в туго натянутую кожу длинных барабанов. Перед королем под аккомпанемент барабанов плясали два парня. Один из них был в сари – он изображал девушку. Лица обоих танцоров были покрыты густым слоем пудры, их шеи украшали гирлянды желтых цветов. На ногах звенели браслеты. Парни ритмично двигались, иногда убыстряя или замедляя темп. Они пели. Это была любовная песня. Ее своеобразный тягуче-проникновенный мотив не напоминал ничего слышанного мною ранее. Но сам танец был лишен какой-либо оригинальности и своеобразия. Я не раз видела подобные танцы на ярмарочных балаганных представлениях в маленьких городках Кералы. Сходство с таким представлением еще больше возросло, когда к двум танцующим присоединился третий. На нем были темные очки – те самые очки, которые так любят актеры бродячих трупп там внизу, в долине. Песня и танец так противоречили друг другу, что я не удержалась и спросила Питамбарана:

– Вы не заметили никакого несоответствия во всем этом?

Учитель живо повернулся ко мне:

– Я видел слишком много несоответствий в этом племени. Вы правы. Песня – это настоящее, что принадлежит маннанам. А вот танцы... Вы видели, как танцуют иногда на базарной площади в дни индусских праздников? Сегодняшние танцы не вызывают у вас такой ассоциации?

– Я об этом подумала с самого начала.

– Это все королевские капризы. Он бывал у махараджи и там, в долине, видел такие танцы. И пожелал, чтобы здесь тоже так танцевали. Смотрите, ведь он главный балетмейстер.

Действительно, король стал делать какие-то указания танцорам, что-то объяснял и показывал. Танцоры покорно его слушались.

– Сейчас вкус его величества проявится в полную силу, – зашептал Питамбаран. – Балаганные пляски его свели с ума. А знаете, у маннанов есть свои, очень своеобразные танцы. Но при короле они не смеют их показывать.

– А разве женщины не принимают участия в танцах?

– Что вы! Им не разрешено. Королевский указ. Кажется, это инициатива какого-то предыдущего раджаманнана. Но люди говорят, что когда-то женщины маннанов танцевали вместе с мужчинами. А теперь вот нет.

Я воспользовалась перерывом в танцах и спросила танцоров, знают ли они еще песни маннанов.

– Мы знаем много песен, – ответили они. Но тут вмешалось его величество.

– Спойте нашему гостю. Ну, например, песню о короле. Обо мне, – хвастливо сказал он.

Танцоры начали петь о том, какой хороший король у маннанов, как счастливы его подданные. Достоинств у короля оказалось так много, что певцы сбились при их перечислении и не смогли закончить песню. Король разгневался, а я решила больше не вмешиваться в королевские развлечения. Снова загремели барабаны. Едкий дым от костра наполнял хижину. Постепенно я стала обалдевать от всего этого. Фигуры танцоров с мертвенно-бледными, напудренными лицами стали двоиться у меня в глазах. Временами, казалось, я впадала в забытие. Голову неудержимо клонило к циновке. Я очень устала. День был трудный и хлопотливый. Я прилегла на циновку. Это никого не удивило. Барабаны мне уже не мешали, и когда я закрыла глаза, то увидела бегущую через джунгли дорогу, чертыхавшегося парня в красном тюрбане, пламя костра. Потом появился премьер-министр, хотел что-то сказать, но не успел. Стало темно, и все исчезло. Я не помню, сколько я проспала. Проснувшись я от какой-то тяжести в голове и от ледяного холода, ползшего по спине. Я открыла глаза. Ничего не изменилось. Все так же гремели барабаны и ритмично двигались танцоры. Правда, некоторые из придворных последовали моему примеру и мирно похрапывали около костра. Король в красном одеяле продолжал руководить балом.

– Послушайте, – сказал Питамбаран, – идемте ко мне в хижину. Там такая же циновка и такой же очаг. Только не так шумно. Вы хотя бы немного отдохнете.

– А который час?

– Скоро уже три часа утра. Идемте. Это будет продолжаться до самого рассвета.

Мы незаметно выскользнули из «дворца». Холодный пронзительный ветер шумел в джунглях. Питамбаран зажег факел, и минут через тридцать мы были уже в его хижине. Около очага, свернувшись калачиком, безмятежно спал Чинмайя...

Утром я открыла глаза и сразу увидела несколько голов, торчавших в маленьком окошке. Я приподнялась, и головы исчезли. Потом снова появились.

– Амма! – позвала меня одна из них.

Я вышла из хижины. Человек пятнадцать женщин стояли около входа. Я поздоровалась. Женщины окружили меня и стали совать бананы.

– Спасибо. Но зачем так много?

– Амма, у тебя длинный путь, – зашумели они. – Мы не знаем, где Россия, но это, должно быть, очень далеко. А в дороге надо есть.

– Но до России этих бананов все равно не хватит.

– Мы принесем еще, – всполошились маннаны.

– Не надо, не надо, хватит.

– Амма, – сказала молоденькая девушка, – оставайся с нами. Мы тебе построим такую же хижину, как у учителя.

Предложение было заманчивым. Но как бывает в жизни, обстоятельства всегда сильнее нас. Я вынуждена была от казаться.

... До деревушки Канчияр, где мы надеялись поймать машину, нас провожали человек двадцать взрослых маннанов и множество ребятишек во главе с Питамбараном.

Когда мы проходили одну из окраинных хижин селения, я вдруг услышала доносившийся оттуда горестный плач нескольких человек и невольно остановилась.

– Что здесь случилось, мистер Питамбаран?

– О, в этой хижине год назад умер старик, а сегодня годовщина смерти. По обычаю маннанов, родственники собираются в этот день и плачут над могилой. Вы ведь знаете, наверно, что маннаны не кремируют своих покойников, а хоронят в земле.

– А где же могила умершего старика? Почему плачут здесь, около хижины?

– У маннанов нет кладбищ, и они хоронят умерших рядом со своими хижинами. Чтобы все оставались вместе. Вместе с покойником закапывают и его личные вещи. На похоронах главный плакальщик – племянник, а не сын. Мигом устраивают поминки. Родственники едят только вареный рис. То же меню они должны соблюдать в течение семи дней после погребения. Только вареный рис два раза в день. Это своеобразный обряд очищения. И каждый год плачут по умершему, как сегодня.

Мы уже прошли хижину, а горестный плач еще долго слышался нам вслед.

... В Канчияре на деревенской площади стоял король в окружении своих подданных. Как только они увидели нас, то покинули короля и устремились за нами. Король было тоже побежал, но потом, очевидно вспомнив о своем королевском достоинстве, замедлил шаги и остался посреди площади в гордом одиночестве.

Длинные мили горных дорог

От Тхеккади до Кумили – 3 мили

От Кумили до Девиколама – 63 мили

От Девиколама до Муннара – 5 миль

От Муннара до Удамалета – 54 мили

От Удамалета до Поллачи – 18 миль

От Поллачи до Пирамбикулама – 40 миль

Снова дорога. Мы едем теперь из дистрикта Коттаям в дист рикт Палгхат. От Кумили дорога поворачивает на север. Населенных мест почти нет. С обнаженных гранитных утесов срываются шумные водопады и исчезают в зеленом море зарослей. Кое-где видны хижины, построенные прямо на деревьях: ночью внизу находиться опасно. По обочине горной дороги и по склонам гор тянутся заросли кардамона. Кое-где трава между кустами расчищена. Это кардамоновые плантации. Но в большинстве случаев кардамон растет диким образом. И место это называется Кардамоновы горы.

Перевалив Кардамоновы горы, автобус выезжает к Западным Гхатам. Здесь, на стыке Кардамоновых гор и Западных Гхат, – унылая и мрачная горная долина. Красноватые гранитные скалы, лишенные какой-либо растительности, угрюмо нависают над чахлыми, с жесткими листьями кустами. Не слышно обычного гомона птиц. Мертвая, давящая тишина. Ее нарушает только прерывистый рокот мотора нашего автобуса. На сухой, потрескавшейся от зноя земле не заметно никаких признаков жизни. Ни речки, ни ручейка...

– Место, проклятое богом, – ворчит крестьянин-старик. – Скорей бы уж проехать.

Тоскливо-тревожное настроение овладевает пассажирами. Умолкают разговоры, и только старик продолжает бубнить что-то себе под нос. Наконец автобус минует неприветливую долину. Мрачные, голые скалы остаются где-то позади, и снова в окна автобуса врываются лесная свежесть и птичьи голоса. Дорога идет вверх. Ее ускользающая петляющая лента прижимается к крутым склонам. Обочина дороги отвесно обрывается вниз километра на два. На крутых поворотах, когда исчезает лежащая впереди полоса дороги, кажется, что автобус сейчас сорвется с нее, как с взлетной дорожки, и полетит в сияющую голубую высь или рухнет в бездну.

Мотор надрывно гудит, а дорога все вьется и вьется, спиралью поднимаясь все выше и выше. Каждая миля дается с большим трудом. И эти мили здесь, на горной дороге, становятся нестерпимо длинными. Метры и секунды, метры и секунды, из которых складываются мили и часы. Мили и часы, зависящие от метров и секунд. Опоздал на секунду на повороте – и не хватило метра на обочине. И тогда мили и часы навсегда теряют свой смысл.

Пот покрывает лицо водителя, его большие руки, вцепившиеся в баранку так, что побелели косточки на пальцах, подрагивают.

Вдруг автобус неожиданно останавливается. Водитель выскакивает из кабины и кричит: «Поха!» (пошли).

– Куда? – спрашивают его. – В чем дело?

Но водитель не отвечает. И показывает в низину. Там, среди зарослей тика и бамбука, мирно пасется стадо диких слонов.

– Поха! Поха! – подхватывают пассажиры.

И все мы во главе с водителем устремляемся к низине. Покинутый автобус сиротливо маячит на дороге. А слоны не обращают на нас внимания и продолжают делать свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.